

§ 3. Просвещенческая деятельность и пропаганда научных знаний

Просвещенческие традиции Академии наук восходят к самому началу ее деятельности. В § 3 «Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств», составленного по указанию Петра Великого, было записано, что Академия создавалась не только «для размножения наук», но и для того, чтобы «чрез обучение и розположение оных польза в народе впредь была»¹.

Примечательно, что в «донесении» от 13 января 1726 года первого президента Академии Л. Л. Блюментроста в Святейший Синод «о напечатании в синодальной типографии» лекций, подготовленных академическими ученым², прямо говорилось о необходимости «зачинающиеся публичные лекции академических профессоров публиковать в народе»³.

На рубеже двух веков непосредственно просветительской деятельностью занимались несколько академических учреждений. Старейшее среди них — Библиотека Академии наук. В эти годы наблюдалось интенсивное комплектование Библиотеки. Так, фонды ее I Русского отделения к 1 января 1914 года составляли 550 тыс. названий, причем за последние предшествующие этому моменту 25 лет они возросли в 3 раза⁴. За этот же период расходы на приобретение книг для II Иностранного отделения составили 447 310 германских марок (или 209 235 руб.)⁵.

Согласно Уставу Императорской Академии наук, в Библиотеку «допускались для занятий сторонние посетители», дирекция Библиотеки «открывала публике широкий доступ» в читальные залы, которые к началу XX века были уже переполнены. После того, как число постоянных посетителей I Русского отделения превысило 3 500 человек в год, разрешение на занятия начали выдаваться только лицам, представляющим рекомендации от членов Академии, профессоров университетов и других высших учебных заведений⁶. Кроме того, довольно широкий круг представителей ученого мира и учащейся молодежи имел право получения книг для работы на дом. Если в 1906 году библиотекой было выдано на дом 5 600 томов, то уже в 1911 этот показатель вырос до 15 тыс. томов.

Библиотека активно проводила выставочную деятельность, направленную на просвещение граждан. Перечислим лишь самые значительные выставки, организованные и проведенные в это время: I Всероссийская выставка печатного дела (1894 год), «Пушкин в Санкт-Петербурге» (1899 год), «Двухсотлетие Санкт-Петербурга» (1903 год), «Толстовская» в С.-Петербурге (1908 год) и в Москве (1910 год), «Тургеневская» в С.-Петербурге (1908 год), «Кольцовская» в Воронеже (1908 год), «Костомаровская» в Воронеже (1910 год), «Елизаветинская» и «Ломоносовская» в С.-Петербурге (1911 год) и др.

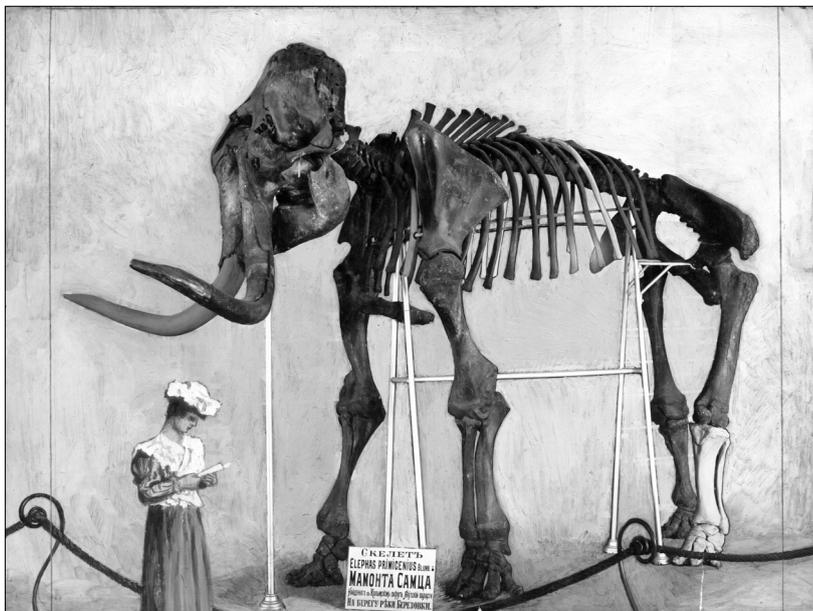
Благодаря самым энергичным усилиям руководства Академии и, в первую очередь, ее президента великого князя Константина Константиновича в 1910 года удалось добиться правительственных ассигнований в размере 1 млн. 100 тыс. руб. на строительство нового специального здания для Библиотеки. Строительство его началось в 1912 году, и к началу Первой мировой войны оно в основном было возведено.

Свой существенный вклад в просветительскую деятельность вносили академические музеи. Коллекции старейшего из них — Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого составляли по состоянию на 1 января 1914 года 130 698 предметов. Отметим, что за последнюю предшествующую четверть века музеем было собрано 110 872 предмета из их общего числа⁷.

Из года в год возрастало и количество посетителей музея, к 1913 году ежегодная посещаемость составляла в среднем около 20 тыс. человек, из них каждый четвертый посещал музей с экскурсией⁸.

Целенаправленная культурно-просветительская деятельность проводилась и другим крупным академическим музеем — Зоологическим. Число его посетителей ежегодно возрастало в самой ощутимой мере: в начале 1890-х годов музей посещали ежегодно 31–32 тыс. человек; в 1901–1905 — в среднем по 60–70 тыс., а в 1910 году число посетителей составило уже более 120 тыс. человек⁹. В одном из отчетов музея о деятельности за эти годы отмечалось, что он «очень усердно посещался воспитанниками различных учебных заведений». Так, если в 1908 году организованными группами музей посетили 15 535 учащихся, то в 1913 году их количество составило уже 22 367 человек¹⁰. Сотрудниками музея отмечался и тот факт, что ежегодно возрастало число посетителей и из иногородних

учебных заведений, «притом не только из ближайших городов, как Царское Село, Гатчина и др., но и из весьма отдаленных, таких как Одесса, Уфа, Новочеркасск и др.».

Фрагмент из экспозиций Зоологического музея Академии наук. 1925 год

Позволим себе заметить, что подобные параметры музейно-просветительской деятельности в царской России были чрезвычайно редки. По мнению современников, знатоков Петербурга, Зоологический музей стоял в ряду тех достопримечательностей северной столицы, «посещение которых было обязательно для всякого образованного и любознательного туриста»¹¹.

Особое значение в рассматриваемом аспекте имела деятельность Академии, направленная на то, чтобы как-то поднять уровень просвещения населения в национальных окраинах Российской империи, где нелегкое положение дел усугублялось еще и реакционной политикой царизма. Эта сторона деятельности также подтверждала роль Академии наук как общероссийского

центра культуры и просвещения. Нам удалось выявить конкретный архивный материал и по этому вопросу.

В феврале 1895 года состоялся I съезд русских деятелей по печатному делу под покровительством великого князя Константина Константиновича. На съезде обсуждались многие проблемы развития печатного дела в России, в частности, вопрос «о крайне бедственном состоянии печатного дела в литовских губерниях Северо-Западного края». Называлась и главная причина его упадка — это существовавшее запрещение печатания книг латино-литовским шрифтом (т. е. разрешалось книгопечатание только русским шрифтом).

Данное ограничение было введено царским правительством после подавления Польского восстания 1863–1864 годов в качестве «радикальной», по мнению правительства, «меры ограждения литовцев от польского влияния». В те годы в Польше проводились реформы, которыми руководил известный государственный деятель Н. А. Милютин. Одновременно с этим проводилась и жесткая русификаторская политика. В 1865 году Н. А. Милютин был назначен главным начальником Канцелярии по делам Царства Польского в Петербурге, а в 1866 году и была принята упомянутая выше ограничительная мера.

Жизнь показала, что русский шрифт плохо прививался среди литовского населения, и это весьма отрицательно влияло на решение вопросов повышения уровня культуры и грамотности литовцев.

Исходя из всех этих фактов, I съезд русских деятелей по печатному делу «единогласно постановил просить правительство о рассмотрении вопроса о запрещении печатания литовских книг латинским шрифтом»¹². Соответствующие документы были направлены съездом по принадлежности в МВД, но они «оставлены были без последствий».

Прошло три года, и в марте 1898 года один из активных деятелей по просвещению литовского народа, купец А. О. Смильго, обратился к президенту Академии с просьбой еще раз попытаться «содействовать скорейшему удовлетворению ходатайства состоявшегося под Августейшим покровительством Вашим съезда»¹³. Константин Константинович решил подкрепить свою позицию в этом вопросе мнением авторитетных ученых. Он обратился

к академику А. Ф. Бычкову, директору Императорской Публичной библиотеки и председательствующему в это время в Отделении русского языка и словесности.

В своем ответном обстоятельном письме от 18 апреля 1898 года Афанасий Федорович отметил, что данный вопрос на заседаниях ОРЯС находил только однозначное решение — «эта мера принесла более вреда, чем пользы, и необходима отмена запрещения, являющегося тормозом для развития литовской литературы»¹⁴.

Опять было направлено соответствующее ходатайство в МВД, но решение подобных проблем в условиях царской бюрократии десятилетиями оставалось без всякого движения. Очень сильны были феодальные, имперские и традиции, и амбиции: велика Российская Империя, а территория литовских губерний так мала...

Только в начале 1903 года данный вопрос был принят к рассмотрению Комитетом министров. К президенту Академии за помощью и поддержкой теперь уже обратился сам Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор, князь Петр Данилович-Святополк-Мирский. В специальной своей «Записке» он резонно указывал, что такое «столь авторитетное правительственное учреждение, как Императорская Академия наук, пользуется при издании литовских книг исключительно латино-литовским шрифтом», и подчеркивал: «Признаю не только своевременным, но и настоятельно необходимым освободить латино-литовский шрифт от каких бы то ни было запрещений и стеснений, разрешить в России печатание этим шрифтом литовских книг и периодических изданий всякого рода»¹⁵.

Наконец, это нелепое ограничение было на правительственном уровне отменено, и, как мы видим, произошло это при активном участии и всемерной поддержке Академии наук.

Несколько лет продолжалась настойчивая деятельность Академии наук, направленная на то, чтобы добиться отмены существовавших ограничительных мер по изданию Священного писания на украинском языке. Запрещение печатания малорусских книг духовного содержания последовало в 1863 году по инициативе министра внутренних дел П. А. Валуева. Опять-таки эта мера, по мнению царского правительства, была вызвана «крайней опасностью, с точки зрения политической, от разрешения перевода Евангелия на малорусский язык»¹⁶.

В начале 1904 года руководство Академии взяло на себя роль инициатора по отмене этого тяжелого и нелепейшего запрета. Вначале была поставлена задача добиться у правительства разрешения на издание малорусского перевода Евангелия, сделанного Ф. С. Морачевским. В мае 1904 года с подобным ходатайством президент обратился к министру внутренних дел В. К. Плеве. Министр в своем ответном письме от 13 июня 1904 года признал, что «вопрос этот с политической точки зрения потерял свою остроту». Однако через месяц Вячеслав Константинович был убит эсером Е. С. Сазоновым, и вопрос не был решен окончательно.

Академия вновь обратилась с аналогичным ходатайством к новому министру внутренних дел, П. Д. Святополк-Мирскому. Тот, как и следовало ожидать, ответил, что проблема эта может рассматриваться «только с точки зрения религиозной, а также филологической». Получив, таким образом, формальное разрешение МВД, руководство Академии «признало возможным» обратиться в Святейший Синод с той же просьбой — разрешить издание Евангелия на украинском языке в переводе Ф. С. Морачевского. Увы, на сей раз вышла «заминка» с положительным решением вопроса. В данном случае была проявлена очень характерная для руководства православной церкви позиция: «лучшая новость — отсутствие всяких новостей», позиция, которая являлась и поныне является одной из главных причин невысокого авторитета и роли церкви в России.

Но президент Академии, видимо, решил идти до конца в этом справедливом деле. 11 февраля 1905 года он обратился с письмом на имя председателя Комитета министров С. Ю. Витте. Выразив свое опасение в том, что Святейший Синод «затруднится дать свое святительское благословение переводу Четвероевангелия на малорусский язык», он просил «повергнуть через Комитет министров на благоусмотрение Его Императорского Величества ходатайство мое об отмене всех ограничительных мер по изданию Святого писания на малороссийском наречии»¹⁷.

Государственного деятеля и реформатора того уровня, каким являлся Сергей Юльевич, подобные затруднения смутить не могли. Уже 14 февраля он отправил президенту письмо, в котором просил его «пожаловать в заседание Комитета министров 15 февраля для принятия участия в суждениях оного по внесенному Вашим Высочеством представлению об отмене всех ограничительных

мер по изданию Священного писания на малороссийском языке». На заседании Комитета министров 15 февраля 1905 года вопрос и был решен окончательно. Безусловно, столь быстрому «течению дел» способствовал и мощный революционный вал, обрушившийся на Россию.

Следует заметить, что Академией наук данная проблема понималась гораздо шире. 18 февраля 1905 года состоялось экстренное Общее собрание, на котором был обсужден доклад созданной ранее по инициативе Академии Комиссии об отмене стеснений малорусского печатного слова. С ним выступил академик Ф. Е. Корш. Собрание единодушно решило сообщить Министерству просвещения свое мнение о том, что «малорусское население должно иметь такое же право, как и великорусское, говорить публично и печатать на родном своем языке»¹⁸.

Позволим себе отметить один важный, на наш взгляд, момент. Введение царским правительством упомянутых выше запретов на печатание книг совпадало по времени с активной реформаторской деятельностью того же правительства (напомним, это 1863 и 1866 годы). Данный факт позволяет нам высказать предположение о том, что, несмотря на всемерное стремление правящих верхов реформировать существующий строй, сохранение империи как таковой, видимо, являлось главным, некоей сверхзадачей. Отсюда и происходили всевозможные охранительные меры, подчас доводимые до абсурда (как еще можно оценить запрет печатания Евангелия на украинском языке?).

При всем этом позиция в данном вопросе Академии наук, которая являлась государственным бюджетным учреждением, т. е. весьма зависимым от правительства, заслуживает положительной оценки историка.

Мы уже отмечали, что российские ученые на разных этапах истории страны предпринимали попытки в меру своих сил и возможностей способствовать развитию и повышению уровня просвещения и образования. О некоторых подобных фактах, имевших место на рубеже двух веков, мы попытаемся рассказать.

В апреле 1895 года академики Н. Х. Бунге, К. С. Веселовский и И. И. Янжул представили Общему собранию «Записку», в которой излагались меры по улучшению экономического образования в России, говорилось о необходимости подготовки и издания двухтомного «Словаря экономических наук»¹⁹.

В этой «Записке» ученые отметили растущий в России интерес к политико-экономической литературе, но одновременно с этим отметили преобладание в этой литературе конъюнктурных и дилетантских мнений: «С одинаковой легкостью превозносятся и осуждаются развитие и сужение финансовой деятельности государства, те или другие способы обеспечения народного продовольствия, восстановления обращения монеты, развития кредитных операций, те или другие формы земельной собственности, начиная от майоратов и оканчивая так называемую «национализацией» земли». Далее ученые со свойственной настоящим интеллигентам деликатностью заметили, что «возникновение противоположных мнений вызывается у нас некоторым незнанием с историей экономических явлений и с основными положениями, выработанными жизнью, и наукой»²⁰. У читателя невольно возникает ощущение, что эта «Записка» написана сегодня, в нашем обществе, где даже многие государственные деятели и руководители отличаются этим «некоторым незнанием». Невольно ловишь себя на мысли, что в определенной степени время в России остановилось и не движется... Впрочем, в плане развития и пропаганды экономических знаний в России «часы» действительно были остановлены на 70 лет.

Другой пример. В апреле 1911 года на заседании Историко-филологического отделения обсуждалась «Записка», подготовленная И. А. Бодуэном де Куртенэ, К. Г. Залеманом, В. В. Радловым и др. (всего девятью академиками), о мерах, которые могли бы улучшить преподавание и изучение финно-угорских языков в России. Ученые считали, что это «существеннейший для изучения нашего прошлого вопрос о прародине русского племени, равно как и вопрос о прародине славян».

В декабре 1916 года на Общем собрании Академии была доложена «Записка» академиков-математиков А. М. Ляпунова, А. А. Маркова и В. А. Стеклова о необходимых мерах по улучшению преподавания на физико-математических факультетах университетов. Данная проблема возникла в связи с тем, что в обсуждаемом проекте нового университетского Устава предполагалось сокращение преподавания основного курса с четырех до трех лет. В «Записке» указывалось, что на заседании Физико-математического отделения было «единогласно признано невозможным сокращение основного курса до трех лет».

Одним из проявлений развития давних просветительских традиций было оказание посильной научно-методической и материальной помощи своим коллегам-ученым, работавшим в различных регионах страны. Мы имеем в виду ту помощь, которую оказывала Академия научным занятиям своих коллег.

В январе 1900 года Физико-математическим отделением по представлению академика М. А. Рыкачева было выделено 470 руб. К. Э. Циолковскому для проведения опытов, связанных с изучением сопротивления воздуха²². 22 марта 1900 года на заседании этого отделения М. А. Рыкачев доложил о том, что К. Э. Циолковский поблагодарил Академию за «знак доверия» и сообщил, что опыты свои он закончит к осени 1901 года и представит в Академию их описание, чертежи, таблицы и фотографии.

В конце лета 1912 года академик А. А. Шахматов побывал в Саратове, где познакомился с деятельностью местной Ученой архивной комиссии. Он убедился в том, что этой комиссией ведется очень большая и полезная работа по просвещению населения, по охране памятников истории. В губернском городе были созданы музей, библиотека, архив. Но имелась одна очень существенная и очень характерная для России трудность — совершенно не хватало средств (только губернским земством выделялись небольшие суммы денег для музея и библиотеки). А. А. Шахматов проинформировал руководство Академии о «бескорыстных работниках комиссии»: ее председателе Н. Н. Минхе, хранителе архива А. А. Гераклитове, библиотекаре С. Д. Соколове, хранителях музея С. А. Щеглове и Б. В. Зайковском — и попросил «ходатайствовать об отпуске некоторой ежегодной субсидии из казны на нужды комиссии»²³.

В сентябре 1912 года президент Академии обратился с соответствующей просьбой в Министерство финансов. Бюрократическая машина проглотила ходатайство и с присущей ей «оперативностью» выдала в начале 1913 года ответ: как и следовало ожидать, в государственной казне не нашлось «некоторой ежегодной субсидии» для поддержки саратовских ученых-краеведов. Алексей Александрович в своем письме к президенту Академии наук от 30 января 1913 года с печалью отметил: «Очень огорчился, когда узнал об отказе на ходатайство Ваше о субсидии Саратовской ученой архивной комиссии»²⁴.

Следует отметить, что для ряда академических учреждений, особенно для музеев, были характерны подлинный демократизм,

живые и непосредственные связи с самой «глубинкой» необъятной страны, с многочисленными учеными-краеоведами, наличие «неформального» актива в лице постоянных корреспондентов. Все это помогало распространению просвещения в широкие слои населения, и одновременно с этим местные научные силы вовлекались в настоящую научную работу, становились полноправными коллегами академических ученых.

Просвещенческая деятельность Российской Академии наук продолжалась в послереволюционный период, но уже в других исторических условиях.

После революции 1917 года Академия наук не изменила своего отношения к культурному наследию, продолжала оставаться верной и своим просвещенческим традициям. По поручению Общего собрания Академии наук ее непреходящий секретарь С. Ф. Ольденбург 21 августа 1918 года сообщил организационному комитету I Всероссийского съезда деятелей по народному образованию, проходившего в Москве, о том, что «Академия наук всегда принимала и будет принимать деятельное участие во всем, что касается просвещения»²⁵.

Безусловно, академические ученые хорошо понимали, что исторические условия в стране изменились самым коренным образом, и пытались находить новые, соответствующие наступившим реалиям организационно-научные формы своей деятельности. В связи с этим, позднее, академик А. Е. Ферсман следующим образом определил суть просветительской работы Академии наук в условиях первых лет Советской власти: «Академия наук СССР является не только чисто научным учреждением, она — общественная организация, связанная со всей страной, с делом просвещения рабоче-крестьянских масс и со всей ученой средой Союза»²⁶.

Просвещенческая работа Академии наук в эти годы осуществлялась по трем основным направлениям:

- издательская деятельность;
- организация и проведение научных экспедиций на огромных просторах страны;
- музейная, выставочная и лекционная деятельность.

В начале лета 1918 года, когда в Советском правительстве еще не было принято окончательное решение о параметрах финансирования Академии наук, ее руководители обратились в Наркопрос с просьбой предоставить ассигнования «на переиздание ранее

опубликованных Академией наук сочинений русских писателей, в том числе 2-х томов сочинений А. С. Пушкина, которые уже были в типографском наборе». В письме Академии наук указывалось, что эти издания «вполне отвечают требованиям научно-популярной работы»²⁷. Тогда коллегией Наркомпроса, в связи с тяжелым финансовым положением республики, было принято решение «разрешить Академии наук издать сочинения только уже находящиеся в наборе».

Достаточно широкие слои граждан бывшей Российской империи с победой революции связывали осуществление своих вековых чаяний и надежд о просвещении, о приобщении к духовным богатствам мировой культуры, о свободном развитии своих национальных культур.

Эти тенденции начали проявляться в первый же период революции, когда еще не закончились боевые действия на фронтах Гражданской войны. В Академию наук из провинции уже поступали просьбы об оказании помощи в этом плане. Так, в мае 1920 года в Академию обратилась «Мордовская секция» Самарского ГубОНО с просьбой выслать образцы литературы на мордовском языке²⁸. Общим собранием Академии наук было решено выслать в Самару работы академика А. А. Шахматова по мордовскому языку.

В сентябре того же года в Академию наук обратился Подотдел национальных меньшинств Архангельского губисполкома с просьбой прислать литературу о зырянском языке, оказать помощь в разработке азбуки для зырянских школ и в переводе учебников для них²⁹.

Академические ученые охотно откликались на эти актуальные запросы представителей «малых народов». Так, в отчете о работе Музея антропологии и этнографии за 1920 год сказано, в частности, о том, что сотрудник музея Л. А. Штернберг работает над созданием словаря и грамматики гиляцкого языка, а другой сотрудник, В. Г. Богораз, по поручению издательства «Всемирная литература» готовит книгу «Предания и сказки эскимосов»³⁰.

С наступлением мирного времени и постепенным улучшением экономического положения в стране, в связи с реализацией возможностей нэпа, работа Академии наук по решению конкретных задач просвещения стала более масштабной и системной.

В Академии наук были созданы или активизировали свою деятельность специальные структурные подразделения, которые организовывали и проводили просветительскую работу. Назовем наиболее важные из них: в ведении Общего собрания находилась Комиссия по изучению племенного состава (КИПС); Особый Комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР); к ведению Отделения гуманитарных наук относились Яфетический институт (ИЯ) и Словарная комиссия (СК).

Заметим, что эта деятельность Академии наук находилась в полном соответствии с той политикой, которую декларировало и проводило в те годы Советское правительство. В январе 1924 года Главнаука Наркомпроса предложила Академии наук «принять участие в разрешении вопросов подготовки для малых отсталых в культурном отношении народностей рациональных алфавитов, школьных пособий, учебников и в развитии их литературного языка»³¹.

Рамки нашего исследования не позволяют подробно рассказать о подготовке Академией наук словарей языков малых народов. Позволим себе только перечисление этих работ, проводившихся в 1920-е годы. Итак, в 1924 году в работе находились абхазский, русско-сванский и грузино-сванский словари; в 1925 — грузинский, карельский, русско-осетинский, русско-коми (зырянский), марийско-черемисский; в 1927 — тюркских наречий, монгольский и средне-иранский; в 1928 — калмыцкий, усть-цилемского наречия и удмуртский; в 1929 — русско-армянский и т. д.

Здесь можно сделать небольшое отступление и сказать о том, что, вообще, сама по себе подготовка словарей являлась не только высокопрофессиональной, но и очень трудоемкой работой, на достижение конкретных результатов уходило порой долгие годы.

Так, в ноябре 1926 года была закончена 45-летняя работа члена-корреспондента Э. К. Пекарского над словарем якутского языка, а «об окончании напечатания словаря» было доложено на заседании Отделения общественных наук АН, проходившем 29 декабря 1930 года³².

Приведем другой пример. В 1924 году в КИПС велась работа по составлению абхазского словаря. В 1925 году академик Н. Я. Марр выезжал в экспедицию в Абхазию, чтобы на месте «совместно с представителями общественности и знатоками родной речи» обсудить ход подготовки словаря и вообще вопросы реформы

абхазского языка³³. Только на заседании Отделения гуманитарных наук АН, проходившем 4 апреля 1928 г. академик Н. Я. Марр проинформировал своих коллег о том, что «Абхазско-русский словарь» будет опубликован на днях в серии «Яфетического семинария» Института востоковедения им. А. С. Енукидзе³⁴. Через некоторое время Н. Я. Марр вновь выехал в Сухуми, теперь уже для решения вопросов подготовки к печати грамматики абхазского языка для абхазских школ³⁵.

В 1925 году Яфетическим институтом велись работы по подготовке словаря чувашского языка, а ассигнования на его издание были включены в сметы расходов только на 1929 год³⁶ и т. д.

Отметим и то обстоятельство, что «словарная» деятельность академических ученых в 1920-е годы была по достоинству оценена современниками и, в том числе, официальными представителями малых народов. Так, в мае 1927 года академик Н. Я. Марр был «избран почетным членом ЦИКа Чувашской республики»³⁷. В личном архивном фонде ученого хранится копия его благодарственного письма, направленного Президиуму ЦИКа Чувашии. В нем Н. Я. Марр, в частности, написал следующее: «Трудящиеся Чувашской АССР хранят в живом обороте эту драгоценность из сокровищницы человеческих культурных достижений, единственный в своем роде чувашский язык». Далее ученый призывал «к систематическому изучению человеческой культуры Чувашской земли во всех отношениях»³⁸.

В октябре 1927 года ЦИК Туркменской ССР принял специальное постановление в связи с 25-летием деятельности по туркменоведению члена-корреспондента АН А. Н. Самойловича и, в частности, за его вклад в подготовку словаря «Тюркских наречий»³⁹. А. Н. Самойлович был избран почетным членом Историко-краеведческого комитета при Туркменском ЦИКе и, одновременно, было решено в Туркменгоиздате выпустить «юбилейное издание одной из его работ на русском и туркменском языках».

В конце 1927 года в Таджикистане были отмечены просвещенческие заслуги академика В. В. Бартольда. Научное общество «Изучение Таджикистана» выпустило сборник научных работ, посвященный ученому, в посвящении указывалось: «От туркестанских друзей, учеников и почитателей»⁴⁰.

В 1920-е годы академические музеи также являлись носителями и продолжателями просвещенческих традиций Академии наук. Для

того времени музейные формы деятельности были важными и достаточно эффективными в организации просветительской работы.

После окончания Гражданской войны и с переходом к мирной жизни возрастали масштабы посещаемости музеев АН. Так в отчете Музея антропологии и этнографии за 1921 год по этому поводу говорилось следующее: «За последнее время особенно заметен стал рост сознательного отношения широких масс к поучительному материалу музейных собраний»⁴¹. В отчете отмечалось увеличение числа организованных и местных, и иностранных экскурсий, говорилось о том, что «ученый персонал музея» прилагает все усилия к тому, чтобы «показ эволюции всех сторон человеческой культуры служил интересам просвещения масс». Всего же в 1921 году в МАЭ было зафиксировано 7 038 посетителей⁴².

В отчете МАЭ за следующий, 1922, год уже отмечалось, что был зафиксирован «рост посещаемости непомерный», а также и увеличение количества «учебных экскурсий»⁴³ (то есть экскурсий для школьников и студентов).

Вообще, было особо отмечено то обстоятельство, что резко возрастало количество посетителей музея из числа молодежи. Авторы отчета подчеркнули, что «это наиболее характерный элемент среди посетителей музея. Для учащейся и рабочей молодежи он стал подлинной школой по истории культуры»⁴⁴.

Данное явление вполне понятно и объяснимо, любая революция, прежде всего, повышает жизненную энергию и социальную активность молодых граждан, усиливается и стремление молодежи к знаниям и образованию.

Правда, в этом отчете прозвучала и тревожная нота, отмечалось общее ухудшение условий работы музея в связи с проведенным серьезным сокращением штатов.

Теперь приведем некоторые обобщенные конкретные данные о динамике посещаемости МАЭ в те годы⁴⁵.

Годы	Отдельные посетители	Экскурсанты	Всего	Число сотрудников музея
1913	14.398	5.096	19.494	22
1923	11.007	27.547	38.554	15
1926	8.506	27.749	36.255	33

В архивном фонде МАЭ хранится копия статистического отчета о деятельности музея за период с 1 октября 1927 года по 1 октября 1928. Согласно отчета, за этот период в МАЭ было зафиксировано 40 692 посетителя (9 733 — одиночных и 30 959 — экскурсантов)⁴⁶. Авторы отчета, в частности, отметили, что «музей является лучшей школой для выработки правильного социального мирозерцания».

К этому времени в СССР идеологическая составляющая стала важным фактором в просветработе, проводившейся государственными учреждениями. Музейные работники, конечно, понимали, что необходимо соблюдать и эти «правила игры». В одном из архивных дел сохранились чистые типографские бланки «Билет на право входа с экскурсией»⁴⁷. Сам бланк был снабжен следующими лозунгами: «Без знаний нет коммунизма! Экскурсия — проводник знания!»

Другим крупным учреждением Академии наук являлся Зоологический музей. Его экспозиции и выставки также вызывали большой интерес у горожан и гостей Петрограда–Ленинграда. Покажем некоторые обобщенные данные о посещаемости ЗМ в эти годы⁴⁸.

Годы	Количество посетителей
1913	94.241
1923	83.889
За 6 месяцев 1925	48.826

Остальные музеи Академии наук являлись в большей степени учреждениями научно-исследовательского профиля, и экскурсионная работа в них проводилась в меньших масштабах. Кроме того, они не располагали той материально-технической базой, которая была у МАЭ и ЗМ, которые находились в отдельных специальных зданиях.

Отметим некоторые обобщенные сведения о посещаемости еще по двум академическим музеям. Так, по Азиатскому музею нам удалось выявить следующие данные о динамике посетителей⁴⁹.

Годы	Количество посетителей
1926	1.839
1927	3.849
1928	5.233

Геологический музей Академии наук посетило в 1926 году 6 239 человек, а в 1929 году количество посетителей составило 7 841 человек. Экспозиции Музея палеографии привлекали чаще всего специалистов — научных работников гуманитарного профиля. Сохранилась «Книга посетителей» музея за 1925–1928 годы. Приведем для примера несколько записей из этого источника⁵¹. В 1926 году музей посетили один из руководителей Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский, будущий академик, тогда студент Университета, Б. Б. Пиотровский; в 1927 году среди посетителей были будущий академик, тогда аспирант, Л. В. Черепнин, известный костромской историк-краевед Ф. А. Рязановский, писатель А. Н. Толстой и др. Экскурсии по Музею палеографии чаще всего проводил сам его руководитель, академик Н. П. Лихачев.

Экслибрис книжного собрания академика Н. П. Лихачева

Другой формой просвещенческой деятельности академических музеев были организация и проведение выставок. Прежде всего, выставки позволяли оптимальнее отражать все богатство и многообразие фондовых коллекций, так как основные экспозиционные площади у большинства музеев были ограничены. Так, в МАЭ, наиболее благополучном по размерам имевшихся экспозиционных площадей музеев в Академии наук, по состоянию на

1 июля 1927 года, на хранении находилось более 191 000 экспонатов, а в состав всех экспозиций входило только 65 000 экспонатов⁵².

Иногда выставки создавались, чтобы с их помощью можно было показать результаты проведенных многолетних комплексных экспедиций, таких как Монгольская, Казахская, Хибинская и др.

Широкий размах выставочная деятельность приобрела в год подготовки и проведения 200-летнего юбилея Академии наук: тогда не только музеи, но практически все академические учреждения создали выставки, в которых отражалась история отечественной науки и ее достижения.

Приведем некоторые конкретные примеры выставочной работы академических музеев в 1920-е годы. В МАЭ в 1923 году была открыта для посещения обширная выставка по истории религии. Авторами ее тематико-экспозиционного плана были ведущие специалисты музея Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Н. В. Брюллова-Шаскольская, Е. Л. Петри и А. И. Иванов. Главным замыслом организаторов выставки был «показ эволюции религии от самых ранних степеней до высших ее форм»⁵³. На выставке экспонировались не только интересные памятники из фондов музея, но и более 200 вспомогательных экспонатов в виде копий и муляжей, что в то время являлось новаторством в музейном деле.

Даже простое перечисление названий выставок, проведенных в те годы МАЭ, свидетельствует о том, что музейные работники пытались показать посетителям и многообразие музейных коллекций, и все богатство мировой культуры: «Буддийская», «История керамики», «Искусство Востока», «Серебро», «Театр Востока», «История Кунсткамеры» и др.

Специалисты Зоологического музея своей выставочной работой также вносили свой посильный вклад в просвещение граждан страны. Так, в 1925 году в ЗМ были открыты для посетителей несколько выставок, построенных на основе его фондовых коллекций: «Антропоморфные обезьяны», «Колибри и райские птицы», «Фауна озера России», «Энтомологические коллекции музея»⁵⁴.

Азиатский музей Академии наук современниками по праву считался «Центральным учреждением СССР по собиранию и хранению рукописей и книг по научному востоковедению». Это нашло свое отражение и в выставочной работе музея. В 1920-е годы успехом у его посетителей пользовался ряд выставок, в их

числе «Персидская миниатюра», «История китайской книги», «Среднеазиатская и индийская письменность» и др.⁵⁵

Музей палеографии АН СССР своими выставками приобщал посетителей к духовным богатствам мировой культуры. Перечислим названия выставок, открытых в музее в 1920-е годы: «История книгопечатания», «По истории иероглифического письма в Египте», «По истории клинописи», «Восточное письмо древнего и нового времени», «Папские документы», «Служба типографского станка в политической борьбе XVI века», «Книжная иллюстрация и книжный переплет»⁵⁶.

Нельзя не отметить одну парадоксальную особенность в деятельности Музея палеографии. Научная часть его состояла всего из одной штатной единицы. Ее замещал создатель и руководитель музея академик Н. П. Лихачев.

Как уже упоминалось выше, широкие слои населения бывшей Российской империи с победой революции 1917 года связывали реализацию давно назревших задач просвещения, приобщения к культурному наследию. Эти тенденции в первые годы революции усиливались и нашли свое отражение в развитии массового краеведческого движения во многих «градах и весях» страны, почти повсеместным явлением стала организация на местах общественных музеев, научных обществ, народных университетов, клубов и других «очагов культуры».

Академические ученые видели в этом движении реальные возможности повышения уровня культуры и образования народных масс и поэтому старались оказать ему всемерную поддержку и помощь.

Академические музеи по получаемым из провинции запросам безвозмездно высылали на места для общественных музеев дублетные экземпляры из своих коллекций, копии памятников и муляжи. Показательным в этом плане является письмо, полученное руководством АН в сентябре 1920 года из Кронштадта, из созданного там Народного университета: «Зная доброжелательность, с которой Академия наук относится к делу распространения просвещения, просим прислать дублеты и препараты для оборудования Естественно-Исторического кабинета»⁵⁷. Тогда Общим собранием АН было принято следующее решение: «Просить Зоологический музей и Минералогический музей выделить дублеты».

Несколько ранее, в мае 1920 года Советом ЗМ было решено вновь образованному Уральскому Горному институту «предоставить зоологические и энтомологические коллекции для оборудования создаваемых кабинетов и лабораторий»⁵⁸. В июне 1921 года Зоологический музей «предоставил некоторые экземпляры животных Старорусскому кружку любителей естествознания»⁵⁹.

Другими академическими музеями также проводилась работа по оказанию помощи своим коллегам в провинции. В отчете Геологического музея за 1920 год находим следующие интересные сведения об этом: «Возрождение ученой и учебной жизни России за отчетный год вызвало усиленную работу по снабжению вновь открытых учебных заведений палеонтологическими коллекциями и собраниями по исторической геологии (из дублетов)»⁶⁰. Приводились и конкретные сведения об адресах музея:

- Горные Академии в Москве и Екатеринбурге;
- Университеты в Ташкенте и Перми;
- Иваново-Вознесенский политехникум.

Один из залов Минералогического музея Академии наук. 1925 г.

Минералогический музей Академии наук в 1921 году направил дублетные минералогические собрания, «необходимые для преподавания», 11 учебным заведениям страны. В документах

музея хранится и список этих заведений, с указанными размерами посланных коллекций⁶¹:

- Вологодский пединститут — 360 экз.;
- Крымский университет — 393 экз.;
- Омский ветеринарный институт — 235 экз.;
- Казанский госуниверситет — 142 экз.;
- Географический институт — 408 экз.;
- Ставропольский с-х институт — 278 экз.;
- Туркестанский университет — 282 экз.;
- Орловский пединститут — 335 экз.;
- Петергофская гранильная фабрика — 250 экз.;
- Московский университет — 50 экз. — редкие минералы;
- Московская Горная Академия — 50 экз. — редкие минералы.

В марте 1926 года Ботанический музей Академии наук выслал музею Кабардино-Балкарского края «300 экземпляров дублетов растений, собранных ранее в этом регионе академической Кавказской экспедицией»⁶².

Иногда академические музеи передавали вновь созданным национальным республикам и подлинники памятники истории и культуры из своих коллекций. Так, в отчете Азиатского музея за 1923 год указано следующее: «Республике Грузия передали академическую коллекцию грузинских рукописей (84 единицы хранения)»⁶³. При этом в документе было отмечено, что рукописи «столетиями собирали члены С.-Петербургской Академии наук».

Архивные документы свидетельствуют о том, что подобная помощь Академии наук провинциальным учебным и научным организациями продолжалась все 1920-е годы. Так, в отчете Геологического музея за 1929 год говорилось, что в течение года «коллекциями были снабжены» следующие провинциальные центры просвещения⁶⁴:

- Самарский пединститут;
- Высшее техн. училище в Москве;
- Кадчевские горно-техн. курсы;
- Университеты: Казанский, Средне-Азиатский, Эриванский;
- 9 школ I и II ступени.

Музеями регулярно и безвозмездно высылались «на места» и академические научные издания, такие как «Сборник Музея антропологии и этнографии», «Ежегодник Зоологического музея»,

«Труды Геологического и минералогического музея», «Записки Коллегии востоковедов», сборники «Флора России» и «Фауна России» и др.

Особую ценность для местных научных работников, краеведов, школьных учителей имели научно-методические пособия, «наставления» и рекомендации, разрабатываемые академическими музеями. Так, Зоологическим музеем в эти годы были подготовлены и изданы 12 различных выпусков «Наставлений для собирания зоологических коллекций»; Геологическим и минералогическим музеем была издана «Инструкция для геологических и минералогических исследований» и др. Спрос на эти методические пособия был столь велик, что некоторые из них неоднократно переиздавались.

Расскажем еще об одном, на наш взгляд, значительном событии из истории просвещенческой работы Академии наук. В 1924 году именно в недрах Музея антропологии и этнографии зародилась идея создания первого в Ленинграде (и одного из первых в СССР) Народного радиоуниверситета. В архивном фонде МАЭ хранятся интересные документы об этом необычайном для своего времени явлении.

В МАЭ для этого была создана специальная рабочая группа из ведущих специалистов, в нее вошли А. М. Мерварт, Н. П. Никитин, М. Ж. Стириус и др. На совещании группы, проходившем 5 июня 1924 года, была сформулирована и первоначальная идея будущего университета — «упорядочить систему научно-популярных докладов по радио»⁶⁵.

Вскоре группой был разработан и программный документ под названием «Основные моменты Народного радиоуниверситета». Пункт 1-й программы гласил: «Народный радиоуниверситет организуется для обслуживания широких масс рабоче-крестьянского молодняка, имеющих самый минимальный объем знаний (сельская школа)»⁶⁶.

«Основные моменты» были тогда же опубликованы в газете «Ленинградская правда» и переданы по Ленинградскому радио. В результате этого было получено «множество откликов» от сограждан, которые полностью одобрили эту идею.

Однако воплощение данной идеи академических музейщиков почему-то затянулось на несколько лет, архивные документы, к сожалению, не донесли до нас причины этой «задержки».

Во всяком случае, официальное открытие университета состоялось только 16 октября 1928 года. Его передачи шли по Ленинградскому радио ежедневно с 18 час. 20 мин. до 19 час. (кроме воскресений), а радиоузел находился тогда по адресу: ул. Герцена, 16⁶⁷.

Лекции по радио читали тогда не только сотрудники МАЭ, был приглашен и ряд специалистов из вузов и других научных учреждений города. Назовем первые циклы лекций, прозвучавших тогда в эфире⁶⁸:

- «Развитие человеческой культуры», Б. В. Вишнеvский (5 час.);
- «Развитие хозяйственных форм и материальной культуры», Б. Л. Богаевский (7 час.);
- «Современные первобытные общества», А. М. Мерварт (9 час.);
- «Развитие словесной и художественной культуры», И. И. Мещанинов (4 час.).

Вполне понятно, что партийными органами, которые к этому времени уже контролировали все более или менее значимые процессы в духовной сфере жизни советского общества, были включены в программу радиопередач идеологически «выдержанные» и, на их взгляд, наиболее актуальные циклы лекций:

- «Советская власть как высшая форма пролетарской демократии», Н. К. Леонидов;
- «Строительство социализма в СССР и мировая революция», А. И. Мишин и др.

При подведении первых итогов деятельности университета было отмечено, что «Первый цикл лекций нового радиоуниверситета заканчивается описанием человека как последнего звена в бесконечно долгом развитии жизни на земле»⁶⁹.

В первые месяцы работы университета продолжали совершенствоваться формы и методы его деятельности. Ему было присвоено следующее окончательное наименование: «Первый рабоче-крестьянский университет на радио», было создано и его правление. Вскоре была подготовлена и напечатана большим тиражом специальная брошюра «Слушай радиоуниверситет», распространявшаяся в трудовых коллективах Ленинграда. Правлением университета было организовано во время передач озвучивание ответов на полученные по почте от слушателей вопросы, велись консультации слушателей, выпускались «Методические записки» для самих лекторов и др.

Полагаем, что опыт деятельности Ленинградского радиоуниверситета сам по себе является достаточно интересным моментом в истории отечественной культуры.

Историк науки не должен пройти мимо еще одного обстоятельства, характерного для работы академических музеев в первые годы Советской власти. Мы имеем в виду тяжелое финансовое положение этих учреждений, суровые испытания, которые выпали на долю их сотрудников.

Так, во всех отчетах МАЭ за эти годы говорилось о том, что музей в те времена «совершенно не отапливался, и температура в здании и осенью, и зимой часто была ниже 0 градусов»⁷⁰.

Люди как-то выдерживали и продолжали работать, а вот экспонаты медленно погибали, «металлические изделия ржавели, картины разрушались» и т. д.

На заседании Совета Музея палеографии, проходившем 8 ноября 1924 года, его руководитель академик Н. П. Лихачев доложил собравшимся о том, что «музей не отапливался с зимы 1917 года», на предстоящую зиму хозяйственной службой «обещано выделить 7 куб. м. дров, а необходимо для этого 22 куб. м.»⁷¹.

Сегодня нельзя без волнения читать строки из некоторых протоколов заседаний Совета Зоологического музея. Так, на заседании, проходившем 2 февраля 1920 года, было доложено о том, что Комиссией по улучшению быта ученых выделены музею «продовольственные пайки только на $\frac{1}{3}$ всего научного персонала». Советом было принято постановление «выбор кандидатов на получение пайков произвести закрытый подачей записок» (то есть жеребьевкой)⁷².

В июле того же года Совет Зоологического музея вновь обратился в Комиссию по улучшению быта ученых с просьбой «зачислить первыми кандидатами на получение обуви:

- мужской: Н. Я. Кузнецова, Л. В. Бианки;
- женской: Е. Н. Покровскую»⁷³.

В то время для «производственной» деятельности ЗМ были необходимы клеи, приготовленные на натуральной основе, простейшей такой основой был крахмал. В течение 1920 года Совет ЗМ неоднократно обращался в «Секцию пищевых и вкусовых веществ» Петроградского Совнархоза с просьбами выделить хоть какое-нибудь количество крахмала для работы, но всегда получал один и тот же лаконичный ответ: «В отпуске Вам крахмальной муки отказано, за неимением таковой»⁷⁴.

Сегодняшние читатели, наверное, должны отдать дань своего уважения и памяти сотрудникам Академии наук тех, уже далеких, лет, которые проявили в своей жизни высокие нравственные качества российской интеллигенции: гражданское мужество, верность долгу и своей профессии.

Примечания

1. Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 48.
2. Академическая типография была основана позднее, в 1728 году.
3. ПФА РАН. Ф. 3. Д. 417. Л. 27.
4. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 4.
5. Там же. С. 43.
6. Там же. С. 13.
7. Там же. С. 292–293.
8. ПФАРАН. Ф. 142. Оп. 1–1927. Д. 3. Л. 9.
9. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. С. 181–182.
10. Там же.
11. ПФА РАН. Ф. 1 Оп. 1–1899. Д. 146. Л. 149.
12. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13 Л. 19–29.
13. Там же. Л. 24–24 об.
14. Там же. Л. 18–18 об.
15. Там же. Д. 22. Л. 20–20 об.
16. Там же. Д. 26. Л. 38 об.
17. Там же. Л. 39.
18. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1905. Д. 152. Л. 53–53 об.
19. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–42.
20. Там же.
21. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1911. Д. 158. Л. 369–370.
22. Там же. Оп. 1 а-1916. Д. 163. Л. 218.
23. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 75.
24. Там же. Д. 36. Л. 5.
25. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1918. Д. 165. § 192 (ос).
26. Академия наук СССР за десять лет. 1917–1927. Л., 1927. С. 178.
27. ГАРФ. Ф. 2.306. Оп. 19. Д. 33. Л. 45 об.–46.
28. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 168. § 96 (ОИФ).
29. Там же. § 105 (ОИФ).
30. Там же. Ф. 142. Оп. 1–1920. Д. 1. Л. 9.
31. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1924. Д. 173. § 32 (ОИФ).

32. Там же. Оп. 1–1930. Д. 256. § 246 (ООН).
33. Там же. Оп. 1 а-1925. Д. 174. § 206 (ОИФ).
34. Там же. Оп. 1 а-1928. Д. 177. § 225 (ОГН).
35. Там же. § 239 (ОГН).
36. Там же. § 41 (ОГН).
37. Там же. Оп. 1 а-1927. Д. 176. § 217 (ОИФ).
38. Там же. Ф. 800. Оп. 2. Д. 36. Л. 93–94.
39. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1927. Д. 176. § 157 (ОИФ).
40. Там же. § 253 (ОГН).
41. Там же. Ф. 142. Оп. 1–1921. Д. 2. Л. 13.
42. Там же. Л. 14.
43. Там же. Д. 3. Л. 3.
44. Там же. Д. 3. Л. 14.
45. Там же. Оп. 1–1924. Д. 1. Л. 7.
46. Там же. Оп. 1–1927. Д. 3. Л. 29–29 об.
47. Там же. Оп. 1–1925. Д. 14. Л. 39–41.
48. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 449. Л. 29.
49. Там же. Ф. 152. Оп. 1 а, Д. 93. Л. 4; Д. 106. Л. 18; Д. 124. Л. 22.
50. Там же. Ф. 128. Оп. 2. Д. 87. Л. 91, 154.
51. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 6.
52. Там же. Ф. 142. Оп. 1–1927. Д. 3. Л. 43.
53. Там же. Оп. 1–1922. Д. 3. Л. 11.
54. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 449. Л. 8–8 об.
55. Там же. Ф. 152. Оп. 1 а, Д. 80. Л. 5.
56. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 8. Л. 141–141 об.
57. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 167. Л. 224–224 об.
58. Там же. Д. 4. Л. 49.
59. Там же. Д. 5. Л. 59.
60. Там же. Ф. 128. Оп. 2. Д. 78. Л. 7.
61. Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 213. Л. 4.
62. Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 44. Л. 77.
63. Там же. Ф. 152. Оп. 1 а, Д. 71. Л. 6.
64. Там же. Ф. 128. Оп. 2. Д. 87. Л. 152.
65. Там же. Ф. 142. Оп. 1–1928. Д. 70. Л. 3.
66. Там же. Л. 1.
67. Там же. Л. 12.
68. Там же. Л. 13–14.
69. Там же. Л. 17.
70. Там же. Ф. 142. Оп. 1–1920. Д. 1. Л. 8; Оп. 1–1921. Д. 2. Л. 12.
71. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
72. Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
73. Там же. Д. 166. Л. 209.
74. Там же. Д. 167. Л. 85, 86, 87.